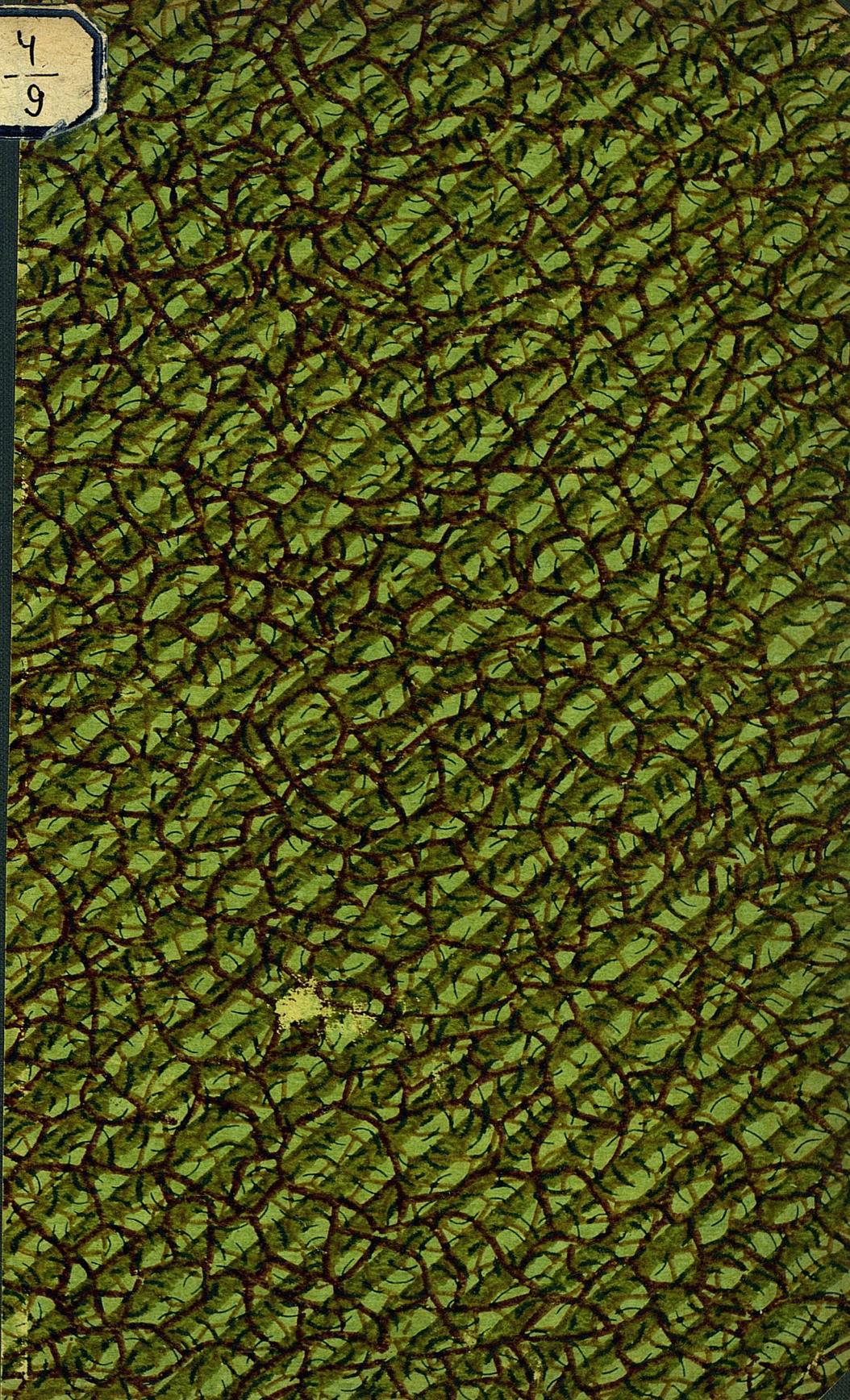
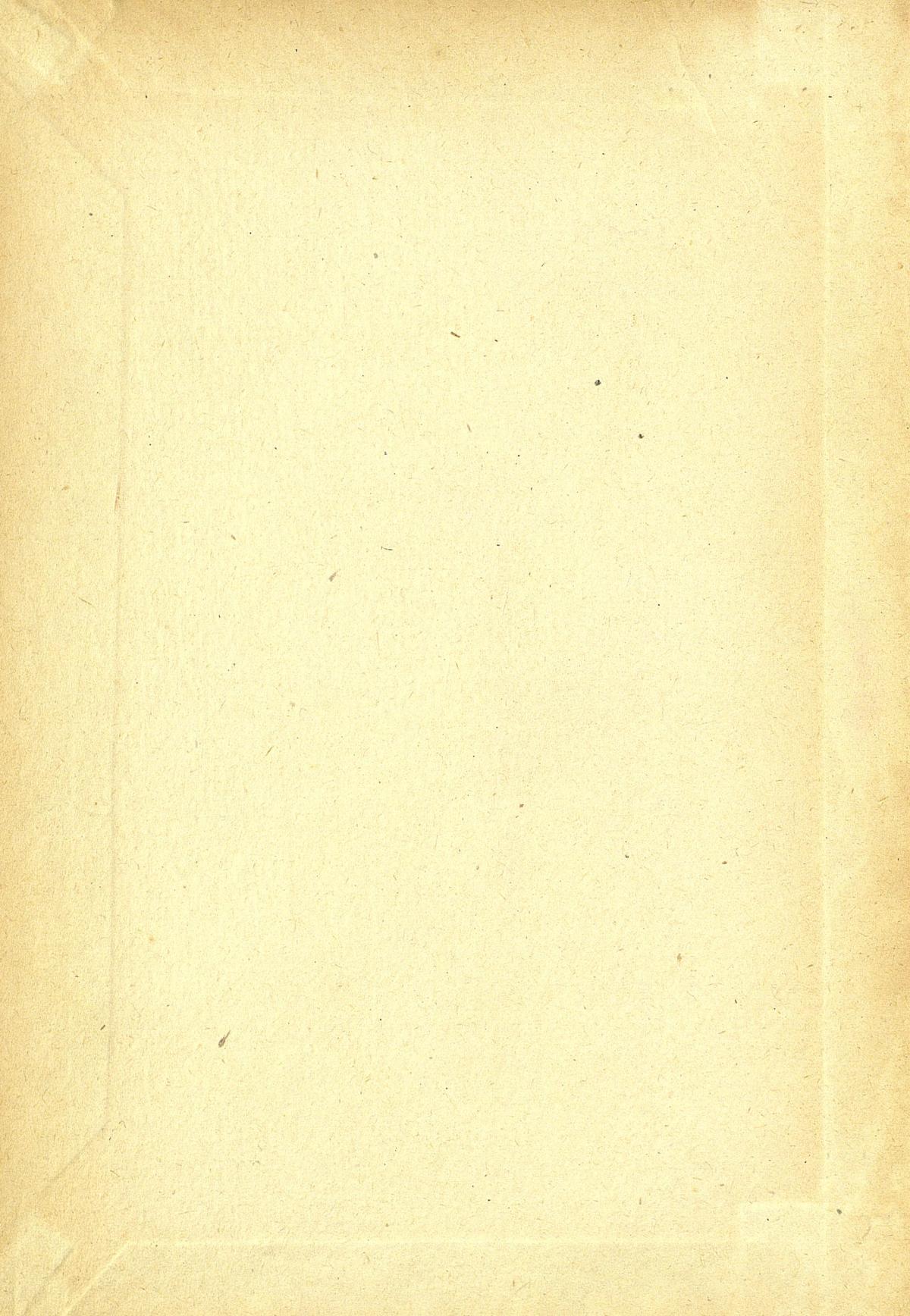
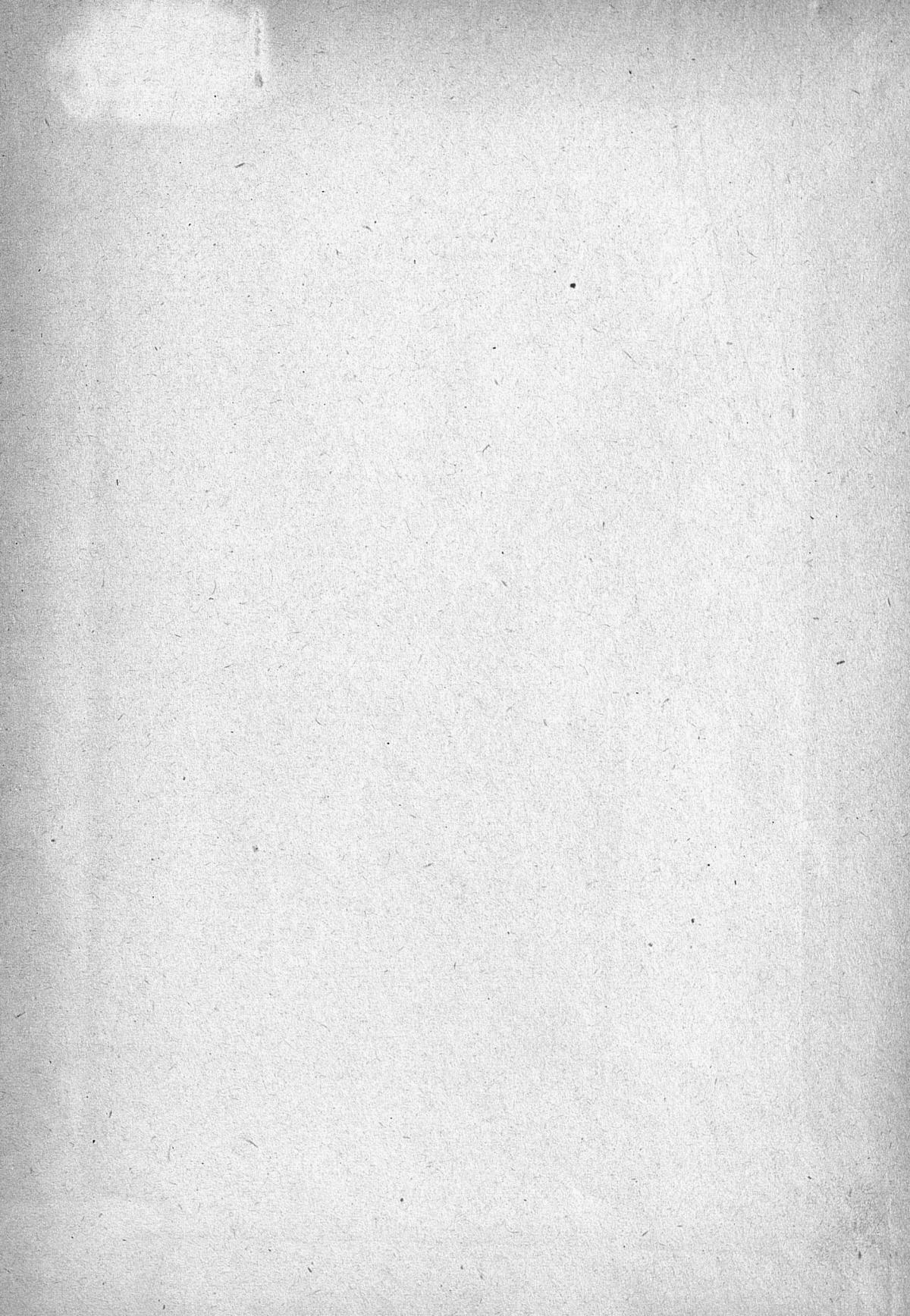

214 $\frac{4}{9}$

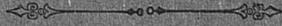

214 $\frac{4}{9}$

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— К О Т К Р Ы Т И Ю —
X

Областного Калмыцкого ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Издание Ц. И. К. Автономной Калмыцкой Области.

198/

Государственное Издательство. Астрах. Губ. Отд.

АСТРАХАНЬ.

Типография № 8 Совнархоза.

1921 г.

Содержание:

1. **В. П. Порох** — Работникам просвещения Автономной Калмыцкой Области.

2. **Н. Н. Пальмов** — Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжение своей исторической жизни.

3. **П. К. Богдзевич** — Задачи Исторического Отделения в Областном Калмыцком Музее.

4. **С. П. Сахаров** — Этнографическое Отделение в Областном Калмыцком Музее.

4. **Н. Н. Пальмов** — О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства.

6. Приказ Отдела Образования от 25 марта 1921 г.

2144/9

Работникам просвещения Автономной Калмыцкой Области.

Человеческая культура насчитывает много веков своего существования. Историческая наука знает Эгейскую культуру, культуру древних народов Востока и Античную культуру, на смену которым пришла Европейская культура.

Известна и другая ветвь культурного развития человечества; современные Индусы, Китайцы и Монголы обладатели и наследники не менее древней культуры, чем европейцы.

Весь путь развития человечества на протяжении многих тысячелетий характеризуется одним не умиравшим никогда стремлением понять и разгадать тайны природы, тайны бытия.

Египтяне, ассиро-вавилоняне, индусы, китайцы, греки, средне-вековые монахи и алхимики, современные ученые— все заражены духом искания.

Тернист путь культурного развития, он полон заблуждений и ошибок. Порой лучшие представители человечества, чьи имена мы свято чтим, кончили свою жизнь на костре. Религиозным фанатикам, сжигавшим провозвестников новых идей, казалось, что в пламени огня хоронятся навсегда и идеи...

Колесница истории безостановочно совершала свое движение.

Народы сменяли народы, лицо изменялось земли. Но идеи, великие открытия и истины не умирали. Наука ширилась и углублялась. Жалкий червь земли—человек—своим умом постигал все новые и новые законы природы, разгадывал одну тайну за другой.

Область современного человеческого знания так велика, что ни один человек не может обнять своим умом все раз-

ветвления только одной науки (математики, физики, ботаники...).

Разгадав многое, человек меньше всего понимает законы, истории, те пути, по которым движется развитие человеческого общества.

История земли (геология) располагает более достоверными данными, чем история народов.

Для истории народов нужны прежде всего и больше всего документы, факты, предметы и памятники, характеризующие занятия, быт, художественные запросы и культурное развитие... Тот, кто собирает все это, оказывает науке и человечеству великую услугу. Он тем самым становится служителем той прекрасной богине, имя которой наука.

Для нас, работников Прос сщения Калм Области, открывается особенно широкая возможность служить науке. Мы живем среди народа, на судьбах которого сказалось перекрестное влияние двух культур: восточно-азиатской и европейской.

Мы живем среди народа-кочевника, который в Европу пришел как грозный завоеватель и который переживает переломный момент (переход к оседлости, утрата народной поэзии).

Многие волнующие науку вопросы могут быть выяснены, если будет собран большой фактический материал для истории Калмыцкого Народа.

С этой точки зрения все культурные работники должны оценивать организацию Областного Калмыцкого Историко-Этнографического музея.

Мы должны памятовать, что каждый день и каждую неделю уничтожаются пределы огромной исторической важности, относящиеся к прошлому калмыцкого народа. Нужно торопиться, чтобы не погибло слишком многое от времени и безжалостной руки человека.

Наша помощь музею—даже самая скромная, самая незначительная—будет великой услугой науке. Глубоко верю, что никто из учителей и вообще культурных работников не откажется стать служителем науки. Полный не только надеж-

ды, но и непоколебимой уверенности в успех дела при вашей дружной помощи, я обращаюсь к вам с призывом служить науке, с призывом своей любящей рукой собирать и беречь все, что вам покажется ценным и необходимым для музея.

Завед. Областн. Отделом Образования **Василий Порох.**

25 марта 1921 г.

Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжении своей исторической жизни.

История калмыцкого народа, населяющего теперь степи по низовьям Урала, Волги и Дона, а также—по течению Маныча весьма мало разработана. Авторы, которым приходится касаться истории калмыцкого народа, в большинстве случаев обращаются к тем общим и довольно скудным сведениям, которые даны в трудах известного сиолога, монаха Иакинфа Бичурина—„Историческое обозрение Ойратов, или Калмыков“ и Н. Нефедьева—„Подробные сведения о Волжских Калмыках, собранные на месте“. Первый труд вышел в свет в 1833 году, второй—в 1834 году. Помимо недостаточности в содержании, оба названные исторические труда, почтенные для своего времени, представляют сейчас библиографическую редкость, не всегда доступную даже для специалистов, и этим, вероятно, надо объяснить отсутствие извлечений из трудов Иакинфа и Нефедьева в недавнем, 1910 года, большом Астраханском издании: „Миссионерский сборник статей и заметок о Калмыках и Киргизах, кочующих в Астраханской губернии“, где история калмыцкого народа изложена крайне бледно, всего на шести страницах. Немаловажным препятствием к пользованию трудами Иакинфа и Нефедьева является устарелый литературный их стиль,—присяжные историки могут с этим мириться, но написанная устаревшим языком история, конечно, не привлечет к себе внимание широкого круга читателей. Новая эра жизни, в которую вступает калмыцкий народ, получивший автономию, выдвигает вопрос о полной и научной истории этого народа, и надо горячо приветствовать такие меры, предпринятые уже

в данном направлении Областным Отделом Калмыцкого Народного Образования, как объявление конкурса на работу по собранию исторических актов и документов, имеющих послужить материалом для будущей истории калмыцкого народа, и учреждение Историко-Этнографического Музея, куда будут собираться и где будут храниться письменные и вещественные памятники претекшей жизни калмыцкого народа, в практических и научных целях.

Если недостаточны печатные сведения по истории калмыцкого народа, то совершенно не затронута научной разработкой его материальная культура. Между тем, по многим соображениям, она заслуживает серьезного внимания.

Калмыцкий народ принадлежит к монгольской расе. Его предки с древних времен обитатели за Уральскими горами, на Восток. Угроза национальной и политической независимости монголам со стороны Китая во времена династии Минг, воцарившейся в Китае с 1368 года, по свержении татарско-монгольской династии Юан, заставила объединиться четыре монгольских рода: Джунгарский, Дурботский, Торготский и Хошотский в союз «четырех соединенных», Дербен-Ойратов, с владетелем Джунгарии во главе. Именем Джунгарии стала называться вся местность, занятая Дербен-Ойратами, к Юго-Востоку от нынешней Сибири, за Алтайским хребтом. В начале XVI века среди Дербен-Ойратов возникают несогласия, имевшие последствием выделение из союза значительной группы, откочевавшей сначала на север, к пределам нынешней Томской губернии и Енисейской области, но затем подавшейся на юго-запад, к нынешней Оренбургской губернии. Эта, выделившаяся из союза «четырех соединенных» монгольская группа и составляет основное ядро калмыцкого народа, осевшего в первой четверти XVII столетия на юго-восточных окраинах тогдашнего русского государства, до которых достигла в поисках новых земель для обитания. У Дербен-Ойратов отложившаяся от союза группа получила кличку элет, что значит „отпавшие“, „отделившиеся“ или „ушедшие“. Татары перевели Элет равнозначущим словом „калмык“. Под этим именем выходцы из Джунгарии стали всюду известны по России, и название калмыков навсегда осталось за ними. История сохранила имена калмыцких владетелей, под предводительством которых калмыки впервые вошли в русскую

землю. Таковы тайши: Богатырь и Каракула, получившие разрешение от русского правительства в 1618 и 1620 годах вступить в Сибирь и заняться там торговлей, но не воспользовавшиеся этим разрешением,—Лоузанг и Эйденг, появившиеся на берегах рек Ори и Эмбы в 1620 году и открывшие за собою дорогу сильной калмыцкой орде калмыков из торготского рода, а позднее—из Хошоутского и Дербетского родов, и, наконец, Хорлюк—главный предводитель торгатов. Этот последний, с шестью сыновьями и с 50 тысячами кибиток-семейств подвластного ему народа, при движении своем из за Урала, покорил своей власти татар Джембулцких, Ногайских, Хатай-Кипчакских и Джетысанских и около, приблизительно, 1630 года расположился на обширных степях между Волгою и Уралом. Отношения к России, повидимому, мало интересовали Хорлюка,—Россия не представлялась ему настолько сильною, особенно на окраинах, чтобы считаться с нею. Он больше заботился о сохранении и поддержке связей с Джунгарией и готов был признавать ее протекторат. Только по смерти Хорлюка, при сыне его Шукур-Дайчинге, в 1655 году калмыцкий народ вступает формально в подданство России и принимает на себя ряд обязательств, весьма важных с точки зрения русских государственных интересов на юге и юго-востоке. Но насколько продолжала оставаться сильной связь калмыцкого народа с Джунгарией, на это указывает ряд фактов из его истории в XVII и XVIII веках, в которых рельефно выступает неослабевающее тяготение калмыцкого народа к своим далеким сородичам, объясняемое столько же национальным единством, сколько и единством культуры, для которой у кочевого народа не находилось точек соприкосновения с русским населением, увеличивавшемся в крае. Правда, Джунгария сама вступила в трудную полосу жизни. Китай с XVII века особенно сильно наложил на нее свою тяжелую руку, и Джунгарские рода принуждены были уходить в Россию. Так, в 1661 году к калмыкам присоединяется Хошоутовский владетель Кюндиленга с 3 тысячами кибиток; в 1670 году к ним же присоединяется с 3 тысячами кибиток Доржи-Араптань, тетка знаменитого калмыцкого правителя, хана Аюки; в 1686 году переселяется из той-же Джунгарии с своим народом и занимает степи на луговой стороне реки Ахтубы Цаган-Батырь, владетель черных калмыков. Но в то же время, не смотря на китайский гнет над Джунгарией, калмыков не покидают на-

дежды на ее лучшее будущее, которое они связывали, кажется, и с своим будущим. Тонкий политик Аюка, пятьдесят лет правивший калмыцким народом, усиленно старается расположить к себе китайское правительство и достигает этого, не вызывая особых подозрений со стороны русской дипломатии, и он же в 1698 году выдает замуж свою дочь, Сетер Джапа, за Цеван Раптана, правителя Джунгарии, хотя знает вражду, питаемую Джунгарией к Китаю. В 1701 году сын Аюки Чакторжап, рассорившийся с отцом, уходит в Джунгарию с 15 тысячами кибиток. Лично для Чакторжана, как и для брата его Санжица, принявшего начальство над выходцами-калмыками, рискованное предприятие окончилось неудачей, но сами калмыки достигли того, к чему стремились—они были приняты в Джунгарию и разместились по улусам. В 1724 году вдова Аюки Дарма-Бала создает грандиозный план ухода в Джунгарию всех калмыцких улусов и для необходимых переговоров по этому поводу посылает под благовидным предлогом, в Джунгарию к двоюродному своему брату Хонг-Тайдже, иначе—Цеван Раптану, зайсанга Еке-Абугая. За смертью Хонг-Тайджи, Цеван Раптана, переговоры ничем решительным не закончились, но, как видно, Дарма-Бала не расставалась с мечтой о возвращении калмыков в Джунгарию, потому что продолжала вести переписку с братом своим Гоманг-Ламою, находившимся в Джунгарию. Сношения Дарма-Балы с Джунгарцами были обнаружены в 1745 году, и только в виду старости Дарма-Балы дело обошлось для нее сравнительно благополучно. Но искра недовольства окружающею обстановкою, однажды зароненная в калмыках, продолжала тлеть, и в 1771 году юный Убаша, наместник калмыцкого ханства, повел калмыцкий народ, в числе 30 тысяч кибиток, чрез Урал в Джунгарию, надеясь найти там лучшие для калмыков условия существования. Смелый шаг закончился катастрофой. От разных неблагоприятных случайностей, большая часть калмыков погибла в пути, а те, кому удалось добраться до границ Китая, принуждены были подчиниться нежелательной китайской власти, которая расселила калмыков по кантонам Илийской области в качестве земледельцев, поручив за ними строгий назор китайским чиновникам. В пределах России осталось тогда всего только 13 тысяч калмыцких кибиток. Они были удержаны на правом берегу Волги от соединения с двинувшимися в путь и перешедшими на левый берег калмыками начавшимися на Волге ледо-

ходом и лишь благодаря этому обстоятельству избежали печальной судьбы сородичей.

Из приведенных исторических данных можно видеть, что через историю калмыцкого народа за XVII и XVIII века красною нитью проходит связь его с Джунгарией. Это — чрезвычайно важное обстоятельство в вопросе об основах калмыцкой культуры. Джунгария, как и вся вообще Монголия, культурно зависит, главным образом, от Китая, Персии и Тибета. Исследования в области памятников монгольского искусства показывают наличие китайских и персидских художественных элементов; особенно они заметны в миниатюрах, которые изготовлялись и самими монголами-художниками, и иноземными мастерами по заказу для Монголии. Тамерлан, страшный потомок Чингис-Хана, мечтавший покорить всю Азию, был великий покровитель искусства и сам упражнялся в нем. Свою столицу — Самарканд, он задумал сделать центром искусств и наук, и для художественно-архитектурных работ выписывал мастеров из Исфагана, Шираза, Индии. В конце XIV века, после того, как пало могущество монголов, на Дальнем Востоке прочно стал на ноги Китай с его буддизмом, принятым из Индии в первые столетия христианской эры и сумевшим удержаться до настоящего времени, несмотря на сильную реакцию против него со стороны поборников национального таоизма в период с IX по XII век. Искусство Китая обыкновенно называют искусством мелких изделий. Китайские мастера достигли больших успехов в мелкой круглой пластике, давая полные реализма изображения людей, животных и богов в виде небольших статуеток из бронзы. Не менее изящны китайские рельефы на ящиках, шкатулках и подобных предметах; изумительною тонкостью отличается у китайцев резьба по камню, металлу и слоновой кости, из которых изготовляются мелкие вещицы, как предметы роскоши. Но, пожалуй, самое интересное в китайском искусстве — это картины, исполняемые акварелью на кусках и полосах шелковой материи, а также и на бумаге, снабженные деревянными рейками сверху и снизу для того, чтобы удобнее было развешивать картины по стенам, и с особо замысловатой при картине, для защиты красок от выцветания и всей картины от разрушения.

Приемы китайского искусства, как и общий характер этого искусства, обнаруживаются в тех художественных предметах, преимущественно, религиозного культа, которые вывозятся с

Дальнего Востока в Калмыцкую степь. Печатью китайского искусства отмечены даже религиозные картины, божки и утварь, привозимые из Тибета—главного центра ламаизма, исповедуемого калмыками, хотя надо сказать, что в тибетских художественных изделиях весьма заметны свои особые художественные черты, тибетское искусство зависит от гандгарского искусства, на северо-западной границе Индии, а в гандгарском искусстве оказываются элементы эллинистического искусства, от эпохи позднего его расцвета. Гандгарцы, составлявшие главную часть населения в Пятиречьи (Пенджабе), которое входило в пределы греко-бактрийского царства с смешанною, полуйранскою, полугреческою культурою, приняли буддизм за полтора века до Р. Х. Новая религия дала новые сюжеты для вдохновения гандгарским художникам, сюжеты, главным образом, религиозные. Гандгарцы, видимо, не стеснялись каноном, который мог быть дан им в руководство Индией, родиной буддизма,—они трактовали религиозные сюжеты по приемам художественной эллинистической школы. Даже образ Будды видоизменяется у них в греко-римском духе. В настоящее время считается доказанным, что Будда гандгарской художественной школы послужил образцом для тибетской школы, как и вообще для всей северной буддийской. Мне случилось познакомиться в Астрахани с несколькими роскошными акварелями, исполненными на шелковой материи, религиозного содержания. По отзыву знатоков, они ничем не отличаются от подобных картин, привозимых в Калмыцкую степь из Тибета, да и тибетские подписи под изображениями не позволяют сомневаться в их тибетском происхождении. Что особенно бросается в глаза на этих акварелях, так это все существенные черты ландшафта, столь любимого в эллинистическом искусстве. Конечно, эти черты не чужды и китайской живописи. Но, как хорошо заметил один историк искусства, в китайской живописи от них веет больше мечтами чувственности и сонными грезами о природе, чем самой натурой. Этого в тибетской живописи нет. Тибетские художники тяготеют к реальной действительности. Оттого, между прочим, у них получает развитие портрет, в котором тибетские мастера достигают больших успехов. С Тибетом калмыки никогда не порывали сношений,—напротив, у них всегда были прочны, как остаются и теперь прочными, связи с Тибетом, являющимся центром ламаизма. Естественно поставить вопрос: не на произведениях ли ти-

бетской художественной школы, распространенных в степи, калмыки воспитывают свой вкус к искусству, которое любят и которым, заметно, интересуются. Среди калмыков встречаются недурные живописцы. История сохранила память об одном замечательном художнике из калмыков, некоем Федоре Ивановиче, который в детском возрасте был захвачен казаками в 1771 году, во время бегства калмыков из России, представлен к двору императрицы Екатерины и там обратил на себя внимание художественными способностями, почему и был отправлен в Рим, для получения полного художественного образования. Федор Иванович составил себе имя за границей своими рисунками с мраморов Фидия, исполненными по заказу лорда Эльджина; теперь эти рисунки хранятся в Британском музее, как величайшая редкость. Умер он в 1824 году в Бадене, в звании Баденского придворного художника. Петроградская Публичная Библиотека владеет портретом Федора Ивановича, написанным им собственноручно в 1815 году.

К сожалению, тибетское искусство мало затронуто в науке, и очень незначительное число памятников этого искусства издано в свет. Но, как бы ни были скудны сведения о тибетском искусстве, раз установлена зависимость его от гандгарского искусства с его, между прочим, иранским оттенком, то не в тибетском ли искусстве следует искать образцов для объяснения, например, архитектуры хурулов ступенчатого типа, настолько эффектной и оригинальной, что она была применена даже при постройке некоторых христианских церквей XVIII века в Астрахани. Верхние подкупольные части Смоленской церкви и церкви Покровского, за городом, монастыря имеют пирамидально-ступенчатый вид. Китайское искусство не знало ступенчатых храмовых сооружений, неизвестны они были и в Индии. Прототипа ступенчатых хурульных построек остается искать в западно-азиатском искусстве, где воздвигались террасообразные, с ступенями, „зиггураты“, как назывались в Персии такого рода сооружения. Если же так, то посредствующим звеном между западно-азиатским и калмыцким строительством должна быть тибетская архитектурная школа. Собирая художественный материал в калмыцкой степи, чтобы понять художественную культуру калмыков, мы с тем вместе, может быть, обогатимся здесь же, близко у себя, материалами и по истории тибетского искусства, и этим последним объясним ряд калмыцких художественных памятников.

Представляется, что Тибет служил главным источником калмыцкой культуры, давал главные основы ее. Но культурная волна шла к калмыкам не исключительно только из Тибета. В XVIII веке существовали сношения калмыков с Китаем, продолжались они и после. Надо поискать китайские изделия среди мелких художественных вещей из металла, из так называемых полублагородных камней, и из слоновой кости, с резьбой как надо разобраться и в гряде картин на шелковой материи и на бумаге, чтобы выделить из них картины китайского происхождения.

Выделения требуют также картины монгольского письма, с некоторыми экземплярами которых мне тоже случилось познакомиться в Астрахани. Они выглядят, с художественной точки зрения, более грубыми, чем тибетские и менее сложными по своим композициям. Говорю о тех экземплярах, которые видел. Если и все монгольские картины таковы, то это обстоятельство не служит к умалению их значения, — может быть, они важны в каких нибудь других отношениях. И во всяком случае, художественные памятники, связанные происхождением с Монголией, будут показателями культурных влияний на калмыцкий народ со стороны ближайших их сородичей в Монголии. В Монголии некогда процветало искусство. Раскопки субурганов в Хара-Хото, произведенные экспедицией Козлова в 1908 году, дали драгоценные в научном отношении материалы по древней буддийской иконографии, обнародованные в одном из недавних выпусков капитального издания: „Материалы по Этнографии России“, в фототипиях, с объяснительным текстом академика С. Ф. Ольденбурга. О высоком состоянии искусства при Тамерлане было уже сказано выше. Не погибло искусство в Монголии и в последующие века, хотя после Тамерлана для Монголии наступили неблагоприятные в политическом отношении времена. Ошибочно было бы представлять воинственных предков наших мирных теперешних калмыков грубыми дикарями. Из Джунгарии они несли с собою в русские степи своеобразную дальневосточную вообще и, в частности, монгольскую культуру, которой ничего не могли противопоставить, например, татарские племена, кочевавшие в степях Поуралья и Поволжья, и потому должны были покориться калмыкам. Калмыки явились с отличным вооружением в руках. У них были пищали, стрелы и чеканы; они были одеты в шлемы и панцыри. Словом, это было настоящее, регулярное войско.

Каждый калмык способен был и умел защитить себя и семью — кибитку; каждый знал, что, защищая себя, он охраняет не только личные интересы, но оберегает и благосостояние того целого, с которым неразрывно связан. Чувство солидарности, этот первый и необходимый залог общности, было сильно развито в калмыках, выходцах из Джунгарии.

Какую же культуру нашли они в русских степях? После разгрома Золотой Орды, начавшегося в XV веке и закончившегося покорением Астраханского царства в половине XVI века, богатые некогда татарские города лежали в развалинах по берегам Волги и Ахтубы. Русские, победители татар, еще не успели создать ничего прочного в завоеванной окраине. При таком положении вещей, сплоченная группа калмыков не могла не чувствовать себя настолько сильною среди окружающего населения, что сторонние культурные воздействия, даже если бы таковые и были возможны, становились для нее излишними. Калмыки довольствовались тем, что было вынесено ими из далекой отчизны, да и кроме того, артерии, связывавшие в XVII и XVIII веках калмыков с Джунгарией, не переставали, время от времени, доставлять им необходимое культурное питание. Если бы тогдашняя культура на русских окраинах была более сильною, она подчинила бы калмыков себе, и они постепенно ассимилировались бы с местным населением. Но этого не вышло. Самые основы двух культур оказались глубоко различными. 1771 год показал национальную устойчивость калмыков, решившихся сделать героический шаг — порвать всякую связь с Россией, где у них не нашлось общих точек культурного соприкосновения за 140 лет совместного житья. Ничего лучшего калмыки не могли тогда придумать, потому что попытки Донуков-Омбы, ушедшего с значительной частью улусов на Кубань в 1731 году, с целью отдаться покровительству турецкого султана, и план вдовы Дондук-Омбы, кабардинки по происхождению, Джан-перейти с калмыцким народом под протекторат персидского шаха Надира в 1742 году не увенчались успехом.

Нельзя без скорби читать печальную повесть калмыцкого народа, которому не удалось сложить нормальную жизнь в пределах России, не смотря на все усилия к тому, проявленные в XVII и XVIII веках. Уход его из России в 1771 году — какая, в сущности, глубокая трагедия! И что еще не так давно приходилось слышать и читать об оставшихся в России

калмыках?— Говорили и писали, что они не имеют будущности, что это — народ, обреченный на неизбежное вымирание. Всегда хотелось задать вопрос: почему же так? Ведь не безталанный же народ калмыки,—ведь, напротив, все, кому ближе приходилось соприкасаться с калмыками, свидетельствовали об их природных дарованиях, признавали за ними хорошие способности к науке и к искусству, отмечали их добрый, отзывчивый, сердечный, миролюбивый характер. И тем не менее, калмыков продолжали держать, что называется, в черном теле, не предоставляя им средств к культурному развитию, применительно к условиям быта. Какой долго-терпеливый это народ!

Глубоко печально прошлое калмыцкого народа. Но надо надеяться, что с момента, когда для всей России открылась новая эра жизни, для калмыцкого народа тоже наступила, наконец, пора лучшего, светлого давножданного будущего. В настоящем, остается полагать надежные основания, чтобы строить на них прочное здание народного благополучия. Калмыцкий народ заслужил заботу о себе. Право на нее, Калмыцкому народу дали его страдания. Но чей же долг, как не долг, прежде всего, нарождающейся калмыцкой интеллигенции притти на помощь родному народу в деле приобщения его к основам общечеловеческой культуры?! Конечно, это прямой долг калмыцкой интеллигенции!

Профессор Н. Пальмов.

27 марта, 1921 года.

Астрахань.

Задачи исторического отделения в областном Калмыцком историко-этнографическом Музее.

Калмыцкий народ появился на берегах Волги, перекочевав сюда из Джунгарии расположенной к западу от Китая, в 1630 году, т.е. около 300 лет тому назад. Затем спустя 140 лет, весной 1771 года, часть калмыков, а именно те, которые жили по левую сторону Волги, решили возвратиться в места своего прежнего жительства и, в числе 30000 кибиток, двинулись через Урал и Киргизскую степь. В пределах России осталась только та часть народа, (около 15000), которая обитала на правом берегу Волги и не могла присоединиться к своим единоплеменникам по причине ледохода.

Направившиеся на восток калмыки, после многих лишений и потери более половины людей, добрались до пределов Китая, где отдались в безусловное подданство китайскому правительству. Потомки этой группы Калмыцкого Народа и по настоящее время живут в Западном Китае и на Алтае. Очень интересно, конечно, проследить, какие исторические события переживали и переживают единоплеменники калмыков далеко на Востоке, но еще интереснее знать историю и быт тех калмыков, которые остались в России и населяют в настоящее время степи Астраханской и Ставропольской губерний, и отчасти Областей Донского и Уральского войска.

История Калмыцкого Народа в России включает в себе не мало интересных страниц. Не говоря уже о событиях, происходивших внутри народа, надо иметь в виду, что Калмыцкий народ имел постоянное соприкосновение с соседними народами России и Северного Кавказа, испытывал влияния с их стороны и сам оказывал на них известную долю влияния, как в политическом, так и в бытовом отношениях. Теперь Ставропольские, Уральские, и Донские калмыки в значительной степени обрусели, и своеобразных бытовых особенностей наиболее пожалуй сохранилось в Калмыцкой степи Астраханского края.

Областной Отдел Просвещения Калмыцкого народа задался целью собрать материалы по истории и быту калмыков за весь трехсотлетний период пребывания их в России и поместить все эти материалы в открываемый при Отделе Областной Музей, который будет иметь два главных отделения: одно — Историческое, другое Этнографическое.

Оба эти отделения проследуют общую цель и задачу, но осуществляет ее каждое своими способами.

Так, в Историческом отделении должны будут найти себе место архивные документы, относящиеся к истории Калмыцкого Народа, а также старинные грамоты и записи, которые могут оказаться на руках у прежних владетельных фамилий калмыцких ханов, нойонов, зайсангов, служивых людей и простолюдинов, и теперь, не имея надлежащего употребления, обречены на неизбежную гибель.

В историческом отделении музея, кроме того, будут собраны по возможности все печатные труды по истории Калмыцкого Народа и даже мелкие газетные заметки, имеющие

хоть некоторую научную ценность. Здесь же будут храниться фотографические снимки или точные списки с важнейших документов, которые по разным причинам нельзя иметь при Музее в оригиналах и списки с редчайших изданий, вышедших из продажи и являющихся уликаами в больших книжных собраниях. Необходимо, наконец, составить коллекцию портретов и фотографий важнейших калмыцких деятелей, на каком бы поприще они не подвизались.

Ставя себе такие задачи, Историческое отделение Калмыцкого Областного Музея, обращается к калмыцкому народу и вообще ко всем просвещенным лицам, интересующимся историей Калмыцкого Народа, работавшим и работающим по этой истории, с просьбой прийти на помощь Историческому отделению по части собирания архивных, печатных и рукописных исторических материалов, присылать их в Музей, даже и за плату, или хотя бы указывать, где и у кого такие материалы хранятся, чтобы можно было войти в переговоры с владельцами документов, изданий и пр. по приобретению их для Музея.

За всякое полезное сведение, а тем более за пожертвования или даже за уступку историко-этнографических материалов с денежным вознаграждением, Областной Калмыцкий Музей будет глубоко благодарен. В сочувствии Калмыцкого Народа и окружающего Калмыцкий Народ населения к поставленным Музее задачам большой научной и государственной важности, работники Музея найдут для себя ту моральную поддержку, которая дает бодрость в труде и заставляет забывать о досадных, но неизбежных подчас неудачах и промахах.

Работники Музея счастливо будут сознавать, что их усилия создать Музей не тщетны, что значение этого Музея понятно и другим, что он дорог тем, для кого создается. В атмосфере сочувствия и благожелательности легко становится работать.

Зав. Историческим Отделением в Областном
Музее Калмыцкого Народа *Богдзевич.*

Этнографическое отделение в Областном Калмыцком Музее.

Открываемый Областной Историко-Этнографический Музей Калмыцкого Народа имеет чрезвычайно важное значение в деле изучения истории и быта этого народа.

По программе Музея, в нем должны быть собраны научные материалы, по которым можно составить точные и верные сведения о том, где, когда и при каких условиях жили калмыки, каковы были их верования и взгляды на окружающую природу, каков был строй их общественной и семейной жизни, как им приходилось бороться с окружающей природой и людьми, отстаивая права на существование, какие легенды и поверия сложились у народа, проводившего жизнь в степи, какими сказками и песнями он развлекал себя в часы досуга, скрашивая свое невеселое житье, какие поговорки, шутки и прибаутки были в ходу у калмыков, являясь выражением житейского опыта, природного смысла и остроумия, на какие, наконец, произведения искусства устремлял он любопытный взор, чем любовался, удовлетворяя эстетическому чувству, присущему человеку, на какой бы ступени культурного развития он не стоял.

Когда Музею удастся выполнить намеченную программу по собиранию и группировке материалов, относящихся к истории и быту Калмыцкого Народа, Музей явится наглядным памятником калмыцкой культуры, тем более интересным, что будущие поколения, входя в близкое соприкосновение с окружающими народностями, неизбежно должны терять черты древнего быта и национального облика, менять прежние нравы, обычаи, даже язык. Придет время, когда от прежнего останется одно воспоминание, и тогда то Музей станет особенно дорог и интересен Калмыцкому Народу. Здесь он увидит всю историю, представленную ярко и правдиво. Как поучительно будет потомку взглянуть на предков, окинуть взором весь длинный путь жизни, прожитой народом, и наглядно убедиться в наличии культурных завоеваний, доставшихся с немалыми усилиями, в результате упорных трудов, а нередко и тяжелых страданий народа.

Задаваясь целью создать Историко-Этнографический Музей, Этнографическое Отделение Музея обращается к Калмыц-

кому Народу, расселенному в степях Астраханской и Ставропольской губернии, а также Областей войск Донского и Уральского, с просьбой жертвовать в Музей все, что является, хотя бы и в малой степени, исторически ценным и характерным для прошлого и настоящего Калмыцкого Народа.

Предже всего, интересно знать его религиозные верования и религиозные обряды, поскольку те и другие выражаются в вероучительных книгах и в культовой практике. Необходимо составить собрание таких книг, как и собрание предметов культа, в виде икон, божков, одежд священнослужителей, хурульной утвари, в особенности старинных.

Частная жизнь калмыка сказывается в предметах, употребляемых в повседневной его жизни. Кибитка с ее обстановкой и украшениями, одежды калмыков, обыкновенные и праздничные, женские уборы, вышивки, рукоделья, посуда, ковры, конская сбруя, охотничьи принадлежности, старинные предметы роскоши, как серьги, браслеты, кольца, ожерелья и т. п., все это весьма ценный и крайне необходимый материал для Музея.

Нечего смущаться, если известная вещь окажется сильно изношенной, исковерканной и почти совершенно разрушенной. Непригодная для житейского употребления, она найдет свое место в Музее раз компетентными лицами при Музее будет установлена важность и ценность вещи с научно-этнографической точки зрения. Поэтому, каждый калмык, поняв важность своего Музея, пусть осмотрит свои старинные, завалявшиеся вещи и выберет из них все, что можно прислать в Музей. Старинная вещь может быть заменена новой; при невозможности замены, за старинную вещь владелец ее может назначить цену, и Музей уплатит ее.

Секция по созданию Музея питает надежду, что Калмыцкий Народ откликнется на призыв к обогащению Музея предметами калмыцкой старины и искусства. При поступлении в Музей, они станут общим достоянием Калмыцкого Народа, будут здесь заботливо оберегаться и, в установленные часы, будут открыты взорам всех, кто интересуется прошлым и настоящим Калмыцкого Народа.

Заведывающий Этнографическим отделением

Музея С. Сахаров.

О некоторых памятниках калмыцкой старины и искусства.

При ознакомлении с печатными источниками по истории калмыцкого народа, мне встретились указания на некоторые памятники старины, имеющие столько же историческое значение, сколько и художественное. Считаю нелишним поделиться сведениями об этих памятниках с читателями этих строк в надежде, что, может быть, кому-нибудь известно о местонахождении их в настоящее время, и есть возможность доставить их, тем или иным способом, в Областной Калмыцкой Историко-Этнографический Музей.

1. Около 1690 года тибетский Далай-Лама прислал правителю калмыцкого народа Аюке ханскую печать—цоло, которую Аюка стал прикладывать к официальным документам в знак своего ханского достоинства. Этою печатью Аюка пользовался до 1713 года. В этом году Аюка объявил своим наследником старшего сына Чакторжала и вручил ему ханскую печать от Далай-Ламы, сам же стал употреблять новую какую то другую печать. В 1722 году Чакторжал умер, завещав все наследственные права старшему сыну Дасангу, которому передал и ханскую печать. Аюка тогда был еще жив. Поступок Чакторжала не нашел сочувствия у Аюки,—Аюка прочил в преемники себе одного из оставшихся у него двух сыновей, Церен-Дондока и направил войска против Дасанга. Но ни Церен-Дондок, ни Дасанг ханства не получили. Когда Аюка в 1724 году умер, русское правительство признало в ханском достоинстве сначала Дорчжу Назарова, родственника Аюки, а затем, по отказе Дорчжи Назарова от ханства, утвердило Церен-Дондока, но пока только с титулом наместника калмыцкого ханства. Утвержденное Церен-Дондока в ханских правах последовало лишь в 1731 году. Остается неизвестным, перешла ли печать—цоло от Дасанга к Церен-Дондоку, или русское правительство выдало Церен-Дондоку другую печать. Неизвестно точно также, какая судьба постигла второй экземпляр печати, находившийся в распоряжении Аюки до самой его смерти, и что это была за печать.

Если калмыцкие ханы, следовавшие за Церен-Дондоком: Дондок-Омбо (умер в 1741 году) и Дондок-Даша (умер в 1761 году) и наместник ханства Убаша пользовались одною и тою же пе-

чатку от русского правительства, данною Церен-Дондоку, то возможно, что с уходом Убали и калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 году увезена была из России и печать калмыцкого ханства. При невозможности отыскать эту печать, как и печати Люки, остается возстановить изображения на них и надписи по оттискам печатей на официальных бумагах XVII и XVIII веков, исходивших от калмыцких ханов и наместников.

По упразднении ханства и наместничества, управление калмыцким народом в пределах Калмыцкой степи перешло к владельцам улусов—нойонам, действовавшим под контролем местных русских властей. Владельцы улусов имели для своих родов особые тамги—тавра, которыми пользовались, повидимому, как тоже своего рода печатями. К. И. Костенков, в „Статистическо-Хозяйственном Описании Калмыцкой степи“ (СПБ. 1868), собрал значительное число владельческих знаков разнообразных рисунков, но объяснений им не представил. Было бы весьма важно проверить рисунки Костенкова и дать им соответствующие объяснения.

С 1800 года Калмыцкое наместничество было восстановлено, хотя и не на долго. Чучей, возведенный в наместники ханства в 1800 году, умер в 1807 году, и после того наместников уже не стало. Неизвестно, имел ли Чучей особую печать. Но национальный калмыцкий суд—Зарго, восстановленный в 1800 году и продолжавший действовать еще долго по окончательном упразднении наместничества, в 1828 году получил, при особой грамоте императора Николая I калмыцкому народу, золотую печать, которая хранилась при суде Зарго в г. Енотаевске. Сохранилась ли эта печать, и если сохранилась, то—где она?

2. При возведении Церен-Дондока в ханское достоинство, ему была вручена, при соответствующей торжественной обстановке, грамота от императрицы Анны Иоановны, от 17 февраля 1731 года. Текст грамоты издан в Полном Собрании Российских Законов, т. VIII, № 5699. Но так как старинные правительственные грамоты исполнялись художественно и нередко писались на пергаменте, при чем всегда снабжались большою государственною печатью из воскомастики, вложенною в особую круглую коробку, из серебра с позолотою, и привешенною к грамоте на шнурках, то отыскать эту грамоту, как и другие грамоты на ханское достоинство и наместничество разным лицам из калмыков, было бы очень интересно. Эти грамоты являются памятниками не малой художественной ценности. Они изготовлялись лучшими

придверными мастерами и, наверное, применительно к искусству калмыцкого народа в расчете произвести впечатление на надежных до блеска кочевников самым даже внешним видом грамот.

3. Известно о нескольких грамотах на имя Дондок-Омбы. Между прочим, в 1736 году, когда Дондок-Омба считался еще в ранге Главного Управителя Калмыцким Народом, ему дана была пожалованная грамота по случаю участия в Русско-Турецкой войне. Грамоту на ханское достоинство Дондок-Омбо получил в 1737 году; тогда же ему были вручены знаки ханского достоинства: знамя, сабля, соболья шуба и соболья шапка.

4. В 1739 году Дондок-Даша, сын Чакторжана и внук Аюки, получил в С.-Петербурге, на отпускной придворной аудиенции, осыпанный алмазами портрет императрицы Елизаветы Петровны. По возведении в ханы в 1757 году, Дондок-Даша принял, надо полагать, те же знаки ханского достоинства, какие усвоены были его предшественнику по ханству, Дондок-Омбе. Если это были те же самые знаки, какие получил Дондок-Омба от русского правительства сколько же для себя, сколько и для своих преемников, то, всего вероятнее, эти знаки были увезены Убашой, сыном Дондок-Дашы, в Джунгарию в 1771 году, как государственная регалия, хотя и потерявшая уже значение с уходом калмыков из России. Иметь понятие о них возможно будет только по старинным зарисовкам, если таковые отыщутся. Но если Убаша захватил с собою инсигнии ханского достоинства и с ними, разумеется, пожалованный отцу портрет Елизаветы Петровны с алмазами, как подарки от двора, лично полученные Дондок-Дашой, которыми тот украшался, как собственностью, почему для него не было нужды в инсигниях, данных Дондок-Омбе, то — не потеряна надежда встретить ханскую саблю, шубу и шапку и пр. в роде потомков Дондок-Омбы, в семьях бывших князей Дондуковых и Дербетовых. У них же могут сохраняться и грамоты на имя Дондок-Омбы, как семейная реликвия.

5. Во всяком случае, в 1800 году, при восстановлении калмыцкого наместничества, возведенный в наместники Чучей получил от русского двора новые знаки своего достоинства: знамя, саблю, панцырь, шпашак, соболью шубу и соболью шапку. Одновременно с этим, главе калмыцкого духовенства, Сабин-Ламе были пожалованы шуба и посох. И опять, о судьбе этих инсигний сведений не имеется.

6. В 1756 году было сформировано особое Ставропольское калмыцкое войско из калмыков, кочевавших у Ставрополя на Волге; оно было причислено к отдельному Оренбургскому корпусу. Ставропольскому калмыцкому войску дано было особое войсковое знамя и сотенные значки с изображением на них крепости Ставрополя, над нею — креста в сиянии и, по сторонам их, нерегулярных арматур. Рисунок был сделан И. И. Неплюевым, тогдашним оренбургским губернатором. С историко-археологической точки зрения, любопытно было бы взглянуть на изображение крепости Ставрополя половины XVIII века и сравнить его с современным городом Ставрополем на Волге, равно как и определить, что это за нерегулярные арматуры по сторонам изображения крепости Ставрополя? Не воспроизводилось ли в них старинное национальное вооружение калмыков, с которым они пришли из Джунгари в Россию?

Вот, пока все, что я имел в виду сообщить читателям, прежде всего, представителям калмыцкой интеллигенции о памятниках калмыцкой старины, сведения о которых можно было найти в печатной литературе. Хотелось бы считать калмыцкую интеллигенцию одною из главных творческих сил при создании Областного Калмыцкого Музея, и вот почему сообщение о вышеприведенных художественно-исторических памятниках я позволяю себе рекомендовать вниманию калмыцкой интеллигенции, в целях направить ее на разыскивание этих и других, может быть, известных ей и аналогичных предметов калмыцкой старины и искусства.

Профессор Н. Пальмов.

6 апреля, 1921 года.

Астрахань.

Приказ Облотнарпроса.

§ 1.

Для увековечения памяти Объявления Автономии Калмыцкого Народа и во исполнение постановления Первого Всекалмыцкого съезда Советов учреждается Отнарпросом Областной Историко-Этнографический Музей.

§ 2.

На местах для разъяснения важности Музея и для руководства собиранием и разысканием предметов и памятников, необходимых Музею, — назначаются особые уполномоченные:

Л. К. Карненов — по району Большедербетовского улуса и прилегающей к нему территории Области, отошедшей от Сельского Округа.

Т. Д. Юрков — по району Манычского улуса и Ремонтинского уезда.

Б. Т. Тостаев — по Малодербетовскому улусу.

Уланов — по Харахусо-Икицихуровскому улусу.

Д. Р. Душан — по Эркетеневскому.

Катвыков — по Яндыко-Мочажному улусу.

Б. А. Шонхоров — по Балмыцко-Базаринскому и Хошеутовскому улусам.

Отхонов — по Багацехуровскому улусу. (Приволжского уезда).

§ 3.

Перечисленные лица уполномачиваются Облисполкомом: а) на ведение пропаганды, выясняющей значение Музея; б) на принятие всех законных мер, направленных к приобретению и предметам, и памятников исторического, этнографического художественного и архивного характера; в) на мобилизацию по соглашению с местными исполкомами — необходимых людей и перевозочных средств для работ по собиранию и доставке предметов Музея.

§ 4.

Уполномоченные обязуются не реже одного раза в два месяца осведомлять Отнарпрос о ходе работ, выполненных им во исполнение настоящего приказа и инструкций, публикуемых музейно-архивной секцией Отнарпроса в „Красном Балмыке“.

Пред. Ц. И. К. Ливгаев.

Завоблотнарпрос В. Порох.

25 марта 1921 г.

